

Химишева Дана Зауровна

бакалавр, студентка

Научный руководитель

Макурова Сусанна Рашидовна

д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

г. Майкоп, Республика Адыгея

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОХРАНЕНИЯ АДЫГЕЙСКОГО ЯЗЫКА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ УСТАНОВОК СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Аннотация: в статье рассматриваются социолингвистические факторы сохранения адыгейского языка как миноритарного в условиях поликультурного образовательного пространства Российской Федерации. На основе экспериментального исследования языковых установок студентов-лингвистов (анкетирование 82 респондентов) выявлены ключевые мотивы и барьеры в семейной, образовательной и общественной сферах. Актуальность работы обусловлена противоречием между декларируемой ценностью адыгейского языка как символа этнической идентичности и снижением его коммуникативной активности среди молодежи. Анализ полученных данных показывает преобладание позитивных установок к языку как маркеру этнической идентичности при одновременном доминировании русского языка в повседневной коммуникации. Выявлен феномен «скрытого сдвига», когда положительные установки не конвертируются в реальную речевую практику. Предлагаются практические рекомендации и интеграции результатов исследования в филологическое образование для повышения престижа и витальности адыгейского языка.

Ключевые слова: адыгейский язык, социолингвистика, билингвизм, языковой сдвиг, миноритарный язык.

Социолингвистика как самостоятельная научная дисциплина изучает взаимосвязь языка и общества, закономерности функционирования языка в различных социальных контекстах, а также влияние социальных факторов на языковые процессы. Возникнув на стыке лингвистики, социологии и антропологии в середине XX века, она быстро оформилась в отдельную отрасль знания. В контексте российского поликультурного пространства социолингвистика приобретает особую практическую значимость, поскольку помогает разрабатывать меры по сохранению и развитию языков народов России, включая адыгейский.

Одним из центральных объектов исследования социолингвистики является билингвизм – явление, когда в жизни отдельного человека или целого сообщества существуют два языка. В контексте миноритарных языков билингвизм выступает одновременно и ресурсом, и угрозой: с одной стороны, обеспечивает доступ к доминантной культуре и образованию, а с другой – часто приводит к постепенному вытеснению миноритарного языка из повседневной коммуникации. Поэтому изучение языковых установок билингвов приобретает особую диагностическую ценность: именно они показывают, насколько миноритарный язык сохраняет свою функциональную нагрузку и эмоциональную значимость для молодых носителей.

Билингвизм всегда представляет огромный интерес для лингвистов. Споры по данному вопросу не утихают. Некоторые лингвисты считают, что билингвизм – это явление, когда грань между понятиями «родной язык» и «неродной язык» стирается и человек абсолютно свободно владеет обоими языками. Но также распространена точка зрения В.Н. Ярцевой, согласно которой под двуязычием понимается способность отдельного индивидуума, или народа в целом, или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках [5]. В контексте миноритарных языков более продуктивным является функциональный подход, оценивающий не столько идеальное владение, сколько реальное распределение языков по сферам коммуникации.

В современном образовании Российской Федерации особую актуальность приобретает проблема сохранения миноритарных языков, одним из ярких представителей которых является адыгейский язык [1]. Социолингвистические факторы, влияющие на витальность языка, включают статус языка, его использование в семье, образование, СМИ и языковые установки носителей и потенциальных пользователей [2]. Адыгейский язык относится к абхазо-адыгской группе кавказских языков и обладает государственным статусом в Республике Адыгея наряду с русским. Однако, несмотря на меры государственной поддержки, наблюдается тенденция к языковому сдвигу в сторону русского языка, особенно среди молодежи. По данным социолингвистических мониторингов, адыгейский язык переходит в разряд языков, используемых преимущественно старшим поколением и в ритуально-обрядовой сфере, что создает риск разрыва межпоколенной передачи.

Теоретической основой исследования послужили работы по социолингвистике миноритарных языков Е. Бьялысток, М.Ю. Донежук и др. Особое значение для данной работы имеет концепция языкового сдвига Дж. Фишмана, который выделил стадии утраты языка, начинающиеся с сужения сфер использования в семье и обществе [7]. Дополнительно мы опираемся на модель витальности языка Дж. Эдвардса, включающую демографические, институциональные, статусные и психологические факторы. Особое внимание уделяется концепции языковых установок (*language attitudes*), которые определяют выбор языка в различных коммуникативных сферах и напрямую влияют на процесс межпоколенной передачи языка [4]. В работе различаются когнитивный (знания о языке), аффективные (эмоциональное отношение) и конативный (готовность действовать) компоненты языковых установок. Именно разрыв между аффективным и конативным компонентами, как показывает исследование, становится главным барьером сохранения адыгейского языка.

С социолингвистической точки зрения ситуацию с адыгейским языком можно охарактеризовать как переход от «языка в основном домашнего общения» к стадии «языка, используемого преимущественно старшим поколением», что в

типологии языковых сдвигом соответствует фазе нестабильного двуязычия с высоким риском утраты межпоколенной трансмиссии. Ключевым фактором здесь выступает не просто доминирование русского языка в публичной сфере, а постепенное сужение функционального домена адыгейского даже в приватной коммуникации: если язык перестает быть средством естественного общения между родителями и детьми, он неизбежно начинает восприниматься младшим поколением как «несовременный» и «периферийный». Важным социолингвистическим механизмом, усугубляющим этот процесс, является так называемый «скрытый языковой сдвиг», когда на уровне декларируемых установок носители демонстрируют лояльность к миноритарному языку и позитивную идентичность, однако в реальных речевых актах – в том числе из-за отсутствия ситуативной необходимости, низкой инструментальной ценности или негласного языкового давления со стороны референтной группы – последовательно выбирают доминантный язык. Кроме того, согласно теории реверсивного языкового сдвига Фишмана, для миноритарных языков, таких как адыгейский, приоритетное значение имеет не столько институциональная поддержка (например, введение обязательных уроков), сколько восстановление «естественных» доменов использования: семейно-бытового общения, досуга, неформального общения со сверстниками. Без этого даже самые продуманные образовательные программы и цифровые ресурсы рискуют остаться «надстройкой» над уже разрушенным фундаментом живой устной традиции именно поэтому анализ языковых установок студентов-филологов – будущих учителей, журналистов, и, что не менее важно, родителей – приобретает диагностическую ценность: их конативный компонент (реальная готовность говорить, писать и думать на адыгейском) является наиболее точным предиктором витальности языка в следующем поколении.

Для экспериментального изучения языковых установок студентов-лингвистов было проведено анкетирование. В опросе приняли участие 82 студента 1–4 курсов филологических и педагогических направлений подготовки (Адыгейский государственный университет). Анкета включала 25 вопросов закрытого и открытого типа, направленных на выявление:

- самооценки уровня владения адыгейским языком;
- частоты и сфер использования языка;
- отношения к престижу адыгейского языка по сравнению с русским;
- мотивации к изучению и сохранению языка;
- влияние семьи, школы и СМИ на языковые установки.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием методов описательной статистики (подсчет частот, процентных соотношений) в программе Excel. Для анализа открытых вопросов применялся метод тематического кодирования ответов.

Результаты показали, что 67% респондентов положительно оценивают адыгейский язык как важный элемент этнической идентичности, но только 24% используют его в повседневной речи. Это расхождение (43 процентных пункта) является количественным подтверждением феномена декоративного билингвизма, когда знание языка ценится символически, но не применяется инструментально. Доминирующей сферой остается семейное общение (48%, при этом значительная часть респондентов уточнила, что речь идет о коммуникации с бабушками и дедушками, тогда как с родителями чаще используется русский язык. В образовательной среде адыгейский язык используется эпизодически, преимущественно на специальных занятиях и редко выходит за пределы учебной аудитории.

Интересным результатом стал ответ на вопрос о «языке внутренней речи»: лишь 12% опрошенных иногда думают на адыгейском языке. Это указывает на то, что даже у филологов, профессионально связанных с языком, он не становится инструментом мышления, что является тревожным маркером языкового сдвига.

Большинство студентов (81%) отмечают недостаток мотивации к активному использованию языка из-за ограниченности его функциональной сферы и преобладания русского в профессиональной коммуникации [6]. Инструментальная мотивация (возможность карьерного роста, доступа к информации, денежного вознаграждения) практически отсутствует, а интегративная мотивация (любовь к культуре, желание быть «своим» в этнической группе) хотя и присутствует, но не

подкрепляется социальными лифтами. При этом 73% выразили готовность участвовать в проектах по сохранению языка.

Полученные данные подтверждают выводы предыдущих исследований о том, что «декларативные» позитивные языковые установки существуют, но требуют подкрепления практическими мерами в системе филологического образования, так как не всегда переходят в реальное речевое поведение [8]. Таким образом, ключевой проблемой является не негативное отношение к языку, а отсутствие социальных и коммуникативных ситуаций, в которых использование адыгейского языка было бы естественным, необходимым и престижным.

Мировой опыт доказывает, что при правильном сочетании образования, СМИ и цифровых технологий даже сильно ослабленные языки могут возрождаться. Для адыгейского языка, находящегося на этапе «идеологического» (символического) сохранения при утрате повседневных функций, наиболее релевантны стратегии «реверсного языкового сдвига», предложенные Фишманом.

В Европе ярким успехом является валлийский язык: благодаря обязательным школьным программам, созданию валлийскоязычного телеканала S4C и государственной цели «1 миллион носителей к 2025 году» доля говорящих выросла до 27,7% населения Уэльса (по данным переписи 2021 года). Ключевым фактором успеха стало не просто преподавание языка, а создание экономики, где валлийский язык дает преимущество при трудоустройстве.

Не менее вдохновляющим является пример языка маори в Новой Зеландии. Программа «языковых гнезд», запущенная в 1980-е годы, вернула язык в семьи и детские сады. Сегодня маори – официальный язык страны, активно используется в образовании, СМИ и повседневной жизни, а число молодых носителей растет. Опыт маори особенно ценен для адыгейского языка, так как демонстрирует эффективность «низовых» инициатив, дополненных государственной поддержкой, а также акцент на доязыковую социализацию.

В Республике Адыгея тоже появляются «цифровые победы». Для адыгейского языка уже разработано мобильное приложение «Едж ык1и Едэ1у» («Читай

и слушай»)), которое используется для дистанционного обучения. Однако, как показали ответы студентов, о существовании этого приложения знают менее 30% опрошенных, что указывает на слабую информационную кампанию. В целом в республике Адыгея уделяется большое внимание сохранению языка: создан Совет по адыгейскому языку при Главе республики, открываются проекты по обучению родному языку, проводятся фестивали, повышающие престиж языка среди молодежи. Однако пока все эти силы не позволяют перевести родной язык в реальные речевые ситуации.

На основе проведенного исследования и мирового опыта предлагаются следующие конкретные и реалистичные меры.

1. Создание семейных языковых клубов «Адыгэ хабзэ» с еженедельными встречами для совместного чтения, песен и традиционных игр.

2. Разработка и бесплатная рассылка «семейных языковых наборов» (книжки-раскраски, карточки с лексикой, аудиосказки) для семей с детьми дошкольного возраста.

3. Внедрение обязательных коротких модулей адыгейского языка в школьные программы всех регионов с адыгской диаспорой (не менее 1 часа в неделю, с упором на разговорную речь и проектную деятельность, а не на грамматику).

4. Разработка и продвижение коротких видео в социальных сетях на адыгейском языке.

5. Организация летних языковых лагерей и онлайн-курсов с элементами геймификации (с выдачей сертификатов, повышающих «языковое портфолио» студента).

6. Сотрудничество вузов с республиканскими министерствами по подготовке учителей-билингвов и созданию цифровых учебников нового поколения.

7. Запуск подкастов и аудиокниг на адыгейском языке.

8. Создание чат-ботов и голосовых помощников на адыгейском языке.

9. Вовлечение диаспоры за рубежом для программ обмена.

10. Разработка системы грантов для студентов, которые создают собственные проекты по популяризации языка (видео, приложения, игры).

11. Открытие детских садов полностью на адыгейском языке.

Таким образом, социолингвистические факторы сохранения адыгейского языка включают как объективные (статус, институциональная поддержка), так и субъективные (языковые установки молодежи). Экспериментальное изучение установок студентов-лингвистов позволяет предложить конкретные рекомендации: внедрение модулей по социолингвистике миноритарных языков в программы подготовки филологов, создание цифровых ресурсов и стимулирование семейного билингвизма. Положительные установки сами по себе не предотвращают языковой сдвиг. Необходим переход от «символического сохранения» к «функциональному возрождению» (язык как инструмент работы, досуга, цифрового общения).

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки за счет студентов нефилологических специальностей, старшеклассников и родителей, а также проведением лонгитюдного эксперимента для отслеживания динамики языковых установок после внедрения предложенных мер (например, замер до и после участия в летнем языковом лагере).

Список литературы

1. Донежук М.Ю. Языковое поведение и компетенции адыгейского студенчества / М.Ю. Донежук // Вестник антропологии. – 2021. – №4. – С. 112–125. DOI 10.33876/2311-0546/2021-4/75-91. EDN WDISLU

2. Кузнецов Н.А. Современная социолингвистическая ситуация в диаспоре (на примере адыгов) / Н.А. Кузнецов // Социолингвистика. – 2021. – №2. – URL: <https://sociolinguistics.ru/index.php/sociolinguistics/article/view/159> (дата обращения: 01.04.2026).

3. Багироков Х.З. Адыгейско-русский билингвизм в сети Интернет: социолингвистические характеристики / Х.З. Багироков. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adygeysko-russkiy-bilingvizm-v-seti-internet-sotsiolingvisticheskie-harakteristiki> (дата обращения: 15.03.2026).

4. Денисова А.В. Языковые предпочтения молодежи республик ЮФО: сравнительный анализ ситуации в Республике Крым, Адыгее, Калмыкии / А.В. Денисова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-predpochteniya-molodezhi-respublik-yufo-sravnitelnyy-analiz-situatsii-v-respublike-krym-adygei-kalmykii> (дата обращения: 04.04.2026).

5. Ярцева В.Н. Проблема вторичной языковой личности (билингвизм) / В.Н. Ярцева // Вопросы языкознания. – 1974. – №2. – С. 4–13.

6. Akkiewa S.I. [et al.]. Problems of preserving the languages of the peoples of the North Caucasus // SHS Web of Conferences. 2023. Vol. 164. Art. 00005. DOI 10.1051/shsconf/202316400005. EDN RWAJVN

7. Fishman J.A. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon: Multilingual Matters, 1991. 440 p.

8. Schwartz M. Guardians of the Circassian Heritage Language... // Languages. 2024. Vol. 9. Iss. 8. Art. 275. DOI 10.3390/languages9080275. EDN JJVZVP